

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1998 г.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ «КИММЕРИЙСКИХ» КОМПЛЕКСОВ ИЗ ЗАПАДНОЙ АЗИИ В СИСТЕМЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА И ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ ЕВРАЗИИ

*Посвящается светлой памяти
коллеги и друга, профессора
Юрия Николаевича Воронова*

Версия о раннескифском культурном «наполнении» этнонима «киммерийцы» в последнее время приобретает все большую популярность¹. Ключевое место в системе построений, обосновывающих эту точку зрения, занимают комплексы археологических находок из Малой Азии (Норшун-тепе, Имирлер). Методически считать их киммерийскими в этнокультурном смысле слова на том основании, что в тех районах Анатолии, откуда происходят эти комплексы, киммерийцы фиксируются аккадскими текстами, скифы же неизвестны на протяжении первых трех четвертей VII в. до н.э., как будто вполне правомерно. Однако артефакты, представленные в Норшун-тепе и Имирлере, отражают, по А.И. Иванчику, келермесскую стадию развития раннескифской культуры (далее – РСК), относимую специалистами к середине – второй половине VII в. до н.э.² Киммерийцы же известны в Западной (Передней) Азии уже с последней четверти VIII в. до н.э. (клинописные сообщения эпохи Саргона II)³. Чем же в таком случае следует заполнить возникающую лауну, и не разрушает ли она новую концепцию? И.Н. Медведская попыталась косвенно исправить положение, отнеся к первому этапу РСК некоторые материалы с территории Северного Причерноморья и Предкавказья (хут. Алексеевский, Лермонтовский разъезд, Рыжановка 2 и др.), опустив его начало в середину VIII в. до н.э. Но в самой Западной Азии соответствующие по времени материалы раннекочевнического облика отсутствуют, хотя наука располагает не только письменными свидетельствами о киммерийском присутствии в регионе с эпохи Саргона II, но и материальными следами непосредственных контактов населения Северного Кавказа и юга Восточной Европы с районами, находившимися южнее Главного Кавказского хребта, в VIII–VII вв. до н.э. Очевидно, что разрешение этой ситуации во многом связано с разработкой целого ряда дискуссионных вопросов хронологии и этнокультурной истории так называемого предскифского периода Северного Причерноморья и Предкавказья. В настоящей статье мы уделим внимание хронологической позиции поздних памятников и комплексов так называемого новочеркаского типа, соотношению с ними находок, относимых И.Н. Медведской к РСК-1, в связи с исторической ситуацией конца VIII – первой трети VII в. до н.э. в Западной Азии. Другой задачей нашей работы является выяснение «киммерийской» специфики комплексов из Норшун-тепе и Имирлера на

¹ *Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 104 сл.; *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьева С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 85; *Иванчик А.И.* К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. 1. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3.

² *Иванчик.* Ук. соч. С. 162; *Галанина Л.К.* К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. 1994. № 1. С. 105.

³ *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 1, 2. СПб., 1993. С. 14–16.

фоне синхронных им материалов с элементами раннекочевнической, прежде всего раннескифской, культуры.

Одним из важных оснований датировки новочеркасской группы памятников 750–650 гг. до н.э. стали, как известно, ажурные бляхи из комплекса Носачевского кургана в днепровской лесостепи, аналогии которым находили на рельефах ассирийских дворцовых ортостатов эпохи Саргона II (721–705 гг. до н.э.) и Ашшурбанипала (668–624 гг. до н.э.).⁴ Г. Коссака, стремясь удревнить скифский архаический культурный комплекс, поместил новочеркасские древности в рамки IX–VIII вв. до н.э., руководствуясь параллелями бляхам из Носачевского кургана на рельефах времени Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.).⁵ Данная точка зрения была поддержана И.Н. Медведской и другими исследователями. В.И. Клочко и В.Ю. Мурзин, например, отметили в связи с появлением новых аналогий, что они «указывают лишь на время появления подобных украшений на Ближнем Востоке... а не на время появления блях этого типа в Восточной Европе»⁶, обнаружив тем самым тенденцию к даже большему удревнению блях носачевского типа, чем у Г. Коссака. Эти исследователи относят «исходную точку сложения комплекса материальной культуры новочеркасского типа... ко времени не позднее XI–X вв. до н.э.»⁷.

С.В. Махортых и А.Ю. Алексеев указали на функциональное несходство носачевских блях и ассирийских изображений, отметив и определенные морфологические отличия деталей тех и других. Прототипами ассирийских изображений могут считаться, по их мнению, желобчатые наременные бляхи-застежки типа Аржана, Высокой могилы и т.д.⁸ При этом А.Ю. Алексеев не без оснований отметил, что образцы, вызвавшие ассирийские подражания, не обязательно могли проникнуть в Западную Азию с территории Восточной Европы⁹. Признание реальности данной версии может вообще поставить упомянутые ассирийские изображения вне связи с восточноевропейской хронологией предскифского времени.

В последнее время Г. Коссака заострил внимание на полихромных ювелирных изделиях из степи и южной лесостепи (Балки, Квитки, Высокая могила-2 и др.): будучи, по мнению автора, имитациями древневосточных, они указывают на тесные связи с Ближним Востоком в IX–VIII вв. до н.э., что, разумеется, устанавливает соответствующую дату для указанных памятников новочеркасского типа¹⁰. Полихромные изделия, выполненные в технике клуазоне, Г. Коссака выводит из древностей горных стран между озерами Севан и Урмия¹¹. Очень существенно, что, по наблюдениям самого Коссака, к числу предметов, которые отмечают путь проникновения мотивов кавказско-переднеазиатского искусства в Северное Причерноморье, относится бронзовый сосуд-ситула из Квиток. Аналогии этому типичному центральнокавказскому изделию VIII–VI вв. до н.э. хорошо известны в Поднепровье (Таганча, Жаботин, Константиновка)¹². Такие ситулы известны на Северном Кавказе

⁴ Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII–VII вв. до н.э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. 1962. 12.

⁵ Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. S. 39.

⁶ Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О хронологии древностей черноговоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 63.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод. Матер. I региональной конф. Кисловодск, 1992. С. 33; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 81.

⁹ Алексеев. Ук. соч. С. 81.

¹⁰ Выступление Г. Коссака в дискуссии на Международном круглом столе «Ранние скифы и культура» (ВДИ. 1994. № 1. С. 78); Kossack G. Neue Funde aus dem Novočerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte Steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit // Il mar Nero. Annali di archeologia e storia. 1994. 1. S. 30.

¹¹ Kossack G. Fremdlinge in Fars // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1987. 20. S. 126.

¹² Zimmerfeld W. Nacznynie miedziane halsztaćkie z Ukrainy // Światowit, XVII. Warszawa, 1938. S. 307–311; Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4. С. 177. Рис. 4, 1, 5; Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1973. Табл. XIV, 6.

как с позднейшей новочеркасской сбруей (Уашхиту)¹³, так и с уздечными комплектами, прямо предшествующими ей по времени (Терезе, гробница 3)¹⁴. Однако ни в этих комплексах, ни в богатых захоронениях с изделиями ассирийско-закавказских типов из центрального Предкавказья предметов стиля клуазоне нет. Как же следует истолковывать ситуацию, когда полихромные украшения не «стыкуются» с одним из своих важнейших трансрегиональных маркеров на его исконной территории? На наш взгляд, появление изделий в стиле клуазоне в Северном и Западном (Белоградец) Причерноморье произошло на заключительной фазе предполагаемого нами оттока по крайней мере части ранних кочевников из Западной Азии в степи Юго-Восточной Европы и относится ко времени не ранее рубежа VIII–VII вв. до н.э.

Посмотрим, что же указывает на обратное движение кочевников, известных в Западной Азии с 722–715 гг. до н.э. В недавних работах автора и других исследователей продемонстрирован тот факт, что в западных и центральных районах Северного Кавказа обнаружены образцы самой ранней, еще только формирующейся сбруи новочеркасского типа, аналогии которой в Северном Причерноморье практически отсутствуют¹⁵. Недаром обладавший большой научной интуицией А.И. Тереножкин считал новочеркасскую узду позднейшей в этом регионе, отмечая ее единообразие, а также решительное и быстрое (sic!) распространение на юге Восточной Европы¹⁶. Эта мысль вполне отвечала очень важному заключению Б.Н. Гракова о том, что в эпоху экспансии киммерийцев через Кавказ в VIII и VII вв. до н.э. «удила и псалии северокавказского типа широко и быстро распространились с Кавказа в степь»¹⁷. Отталкаваясь от приведенных посылок, мы заострили внимание на том, что в комплексах Северного Причерноморья представлены уже конечные продукты эволюции двуколычатых удил и трехплетчатых псалиев, их «классические» типы, распространение которых могло произойти здесь до 679 г. до н.э. В этом рассуждении мы опирались на то обстоятельство, что между 705 и 679 гг. до н.э. (а по А.И. Иванчику, между 714 и 679 гг. до н.э.)¹⁸ киммерийцы не упоминаются в древневосточной традиции. Но существенно не только это. К 679/8 г. до н.э. относится сообщение о разгроме Асархаддоном киммерийцев в Хубушне. Здесь наше внимание привлек «комментарий» Асархаддона по поводу Теушпы-киммерийца, «обитающего далеко»¹⁹, «где место отдаленно» (АВВИУ, 65). Исходя из того, что ассирийская агентура всегда была хорошо осведомлена о местонахождении киммерийцев, мы высказали предположение о принадлежности киммерийцев Теушпы к новым, ранее неизвестным ассирийцам силам кочевников. Подобной же логики рассуждений в этом вопросе придерживается С.В. Махортых²⁰. Примечательно, что и А.Ю. Алексеев видит в данном клинописном тексте возможный намек на появление новой группы кочевников в Западной Азии²¹. Можно допустить, что это и были те самые киммерийцы, которые оказались вытесненными из Северного Причерноморья скифами, чье появление в Западной Азии произошло не позднее 674/3 г. до н.э. Эту мысль поддержал Я. Хохоровский, подчеркнувший, что только сильное давление скифов и перекрытие

¹³ Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. № 2. С. 139.

¹⁴ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. 1989. Табл. XXXIX, 13–15, 22–31; XL, 3.

¹⁵ Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 56–57; он же. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995. С. 21–23; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 52–73.

¹⁶ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 151, 160.

¹⁷ Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977. С. 109.

¹⁸ Иванчик А.И. Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 6.

¹⁹ Цит. по изд.: Латышев. Ук. соч. С. 18.

²⁰ Махортых. Ук. соч. С. 31.

²¹ Алексеев. Ук. соч. С. 28.

ими дорог через Кавказ в 70-х годах VII в. до н.э. могло подтолкнуть киммерийцев к открытому конфликту с Ассирией²². Но если это так, то любое заметное движение киммерийцев с юга на север после 670-х годов до н.э. было исключено. Наше предположение соответствует и выводу В.И. Козенковой об одностороннем южном направлении внешних коммуникаций кобанских племен в первой половине VII в. до н.э. в связи с иноземными вторжениями²³.

Новейшие работы археологов Москвы и Киева подкрепляют наши наблюдения. С.В. Вальчак и В.Р. Эрлих фактически подтвердили тезис о привносном характере «классической» сбруи новочеркасского типа в Северном Причерноморье, не имеющей местных корней, но обнаруживающей их на Северном Кавказе²⁴. С.В. Махортых отметил, что детали конской сбруи из кладов юга Восточной Европы (Аксай, Новочеркасск, Преображенное и др.) представляют собой копии бронзовой узды новочеркасского типа, датировав их последней четвертью VIII – началом VII в. до н.э.²⁵ Исследователь согласился с нами в том, что новочеркасская узда из комплексов типа Носачево – Зольный отражает уже финальную стадию ее развития²⁶. В свою очередь С.А. Скорый предложил такие рамки киммерийских древностей в украинской лесостепи – не ранее 714 г. до н.э. – не позже 681 г. до н.э.²⁷

Конская сбруя новочеркасского типа – не единственный индикатор перемещений с юга на север, в которых участвовали кавказские элементы. Помимо уже упоминавшихся изделий в стиле клуазоне и бронзовых ситул в Северном Причерноморье найдена целая серия кавказских, чаще всего колхидо-кобанских, бронз, многие из которых локализируются в левобережной лесостепи (топоры, молотки, булавки и пр.)²⁸. Значительная часть кавказского импорта в Восточной Европе относится именно к VIII–VII вв. до н.э. и может, по нашему мнению, быть связана с киммерийскими походами в Закавказье и Западную Азию.

Основную роль в обосновании верхней хронологической границы памятников новочеркасского типа на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе играют предметы, связанные своим генезисом с культурами Западной Азии, а также Закавказья. Мы имеем в виду бронзовые шлемы ассирийского и урартийского типов из могильника Клинь-яр III под Кисловодском (разрушенное погребение воина 1987 г. (далее – РПВ-1987) и погр. № 186), Галиата и Кумбулты в Северной Осетии; остатки бронзовых чешуйчатых панцирей из погр. № 4 могильника «Индустрия-1» № 1, погребения у Кабан-горы, погр. № 16 могильника Клинь-яр III, РПВ-1987 – все из района Кисловодска; одиночную панцирную пластинку из могильника у с. Пседах в Ингушетии (атрибуция В.И. Козенковой); бронзовые нагрудники-пекторали с горы Бештау, могильника № 1 на Султан-горе (погр. № 1), могильника Клинь-яр III (РПВ-1987 и погр. № 14) – все из района Пятигорья и др. Эти предметы подробно изучены,

²² *Chochorowski J., Dudarew S.L.* Iz istorii svjazei naselenija Kavkaza s kimmerijsko-skifskim mirom. Groznyj, 1991 // *Acta archaeologica Carpathica*. 1993–1994. T. XXXII. S. 221.

²³ *Козенкова В.И.* Традиционные направления, характер и формы межзональных коммуникаций носителей кобанской культуры в конце II – первой половине I тыс. до н.э. // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990. С. 57 сл.

²⁴ *Вальчак С.В., Эрлих В.Р.* Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // II Кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 18.

²⁵ *Махортых С.В.* Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск, 1992. С. 38.

²⁶ *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. С. 68.

²⁷ *Скорый С.А.* Киммерийцы в украинской Лесостепи // II Кубанская археол. конф. ... С. 90–92.

²⁸ *Sulimírski T.* Eine Kobanen Prachtaxt von Winniza (Ukraine) // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1962. 92. S. 269–271; *Дударев С.Л.* К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк, 3–6 декабря 1979. С. 95–97; *Буйнов Ю.В., Грубник-Буйнова Л.П.* Бронзовые изделия предскифского периода из днепровского лесостепного Левобережья // Проблемы археологии Поднепрорья. Днепропетровск, 1985. С. 108–117. Рис. 1, 8–12; *Махортых С.В.* О северокавказских бронзах X–VIII вв. до н.э. на Левобережье Украины // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 153–155.

что избавляет нас от их детального анализа в данной статье²⁹. Ограничимся лишь наиболее принципиальными замечаниями. Коснемся прежде всего хронологии шлемов ассирийского и урартского типов. Два из них, происходящие из могильника Клиняр III, совершенно однотипны и, по преобладающему мнению исследователей, наиболее близки к шлемам, изображенным на рельефах времен Синаххериба (705–681 гг. до н.э.), хотя бытование сходных шлемов охватывает в целом период от времени Тиглатпаласара III до правления Ашшурбанипала, причем позднее 653 г. до н.э. на памятниках монументального ассирийского искусства такие образцы уже не зафиксированы³⁰. Шлем из Фаскау отнесен В.И. Козенковой к 883–824 гг. до н.э. на основании ассирийских аналогий времен Ашшурнацирпала II и Салманасара III³¹, однако это сопоставление трудно признать убедительным ввиду того, что у шлема хорошо сохранилась лишь верхняя часть и очень плохо – нижняя, а между тем важный для исследовательницы в хронологическом плане остроконечный абрис верхней части ассирийских шлемов является их общей чертой на протяжении около полутора столетий. На шлеме из Кумбулты (Верхняя Рутха) начертано имя царя Аргишти, в котором обычно видят Аргишти I (ок. 780 – ок. 760 гг. до н.э.)³², но при этом совершенно необязательно полагать, что он попал на Центральный Кавказ уже в первой половине VIII в. до н.э. Хорошо известно, что царские сокровища VIII в. до н.э. из раннего урартского центра Аргиштихинили были в первой четверти VII в. до н.э. перенесены в Тейшебаини, где часть их впоследствии, вероятно, оказалась захваченной при разгроме города «бога Тейшебы»³³. Таким образом, кумбултский шлем вполне мог оказаться на северном склоне гор Центрального Кавказа и в период между серединой VII в. до н.э. – началом VI в. до н.э., т.е. тогда, когда (с учетом современных «разночтений» хронологии этого события) пало Ванское царство³⁴.

Бронзовые нагрудники-пекторали обычно трактовались или как предметы культово-парадного назначения, или как «усиление» кожаного панциря воина, а появление их в Западном Закавказье связывалось с влиянием культуры и идеологии населения древнего Востока (Луристан, Урарту)³⁵. В последнее время появилась точка зрения об их атрибутировании в качестве конских нагрудников³⁶, а западнокавказские пекторали (Эшери, Анухва) предложено считать северокавказским импортом³⁷. Морфо-

²⁹ *Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 124. Рис. 13; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунчи А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 192. Рис. 5, 1; С. 197. Рис. 7, 8; *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей г. Кисловодска // СА. 1981. № 2. С. 175. Рис. 9, 1; *Козенкова В.И.* Пседахский могильник кобанской культуры // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 152 сл.; *она же.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3. С. 79. Рис. 8, 20; *Белинский А.Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4. С. 192 сл.; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. С. 51–54. Табл. 15–17; *Алексеев.* Ук. соч. С. 82 сл.

³⁰ *Белинский.* Ук. соч. С. 194; *Алексеев.* Ук. соч. С. 83; *Махортых С.В., Черненко Е.В.* О кавказских «пекторалиях» VIII–VII вв. до н.э. // РА. 1995. № 2. С. 27; *Reade J.* Elam and Elamites in Assyrian Sculpture // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran.* 1976. 9.

³¹ *Козенкова.* Хронология кобанской культуры... С. 72. Табл. I.

³² *Дьяконов И.М.* Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд. 2-е, испр., М., 1983. С. 54, 58.

³³ *Пиотровский Б.Б.* Кармир-Блур. I. Результаты раскопок 1939–1949 гг. Ереван, 1950. С. 68; *Kossack G.* Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie.* 1983. 5. S. 149.

³⁴ *Медведская.* Ук. соч. С. 100 сл.; *Грантовский Э.А.* О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3. С. 44–46.

³⁵ *Иессен.* Ук. соч. С. 124–126; *Позребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С. 103, 106 сл.

³⁶ *Махортых, Черненко.* Ук. соч. С. 25–26.

³⁷ *Эрлих.* У истоков раннескифского комплекса. С. 87.

логия и датировка конских нагрудников из Хасанлу IV однозначно говорят о том, что северокавказские пекторали имеют южное происхождение. Во-первых, нагрудники из Хасанлу IV относятся ко времени не позднее IX–VIII вв. до н.э. Северокавказские же пекторали, как будет показано ниже, не могут быть датированы ранее самого конца VIII в. до н.э. Во-вторых, схема, лежащая в основе символики нагрудников и пекторалей – мировое древо³⁸, – совершенно не характерна для древностей Северного Кавказа предскифского времени. Но если семантически древневосточные конские нагрудники и северокавказские пекторали восходят к одной и той же схеме, то в функциональном отношении мы не считаем возможным ставить между ними знак равенства. Судя по рисунку нагрудника из Хасанлу IV, приводимому С.В. Махортых и Е.В. Черненко, его поверхность орнаментирована тремя рядами точечного пуансонного орнамента. Кавказские же пекторали, в том числе и находки из Пятигорья, орнаментированы куда богаче – чеканными ромбами, концентрическими кругами, изображениями змей. Некоторые предметы инвентаря из погр. № 14 могильника Клинь-яр III (раскопки Я.Б. Березина) – уникальные бронзовые псалии со скульптурными головками коней, каменный фаллос, богатое убранство костюма покойного – указывают, на наш взгляд, на то, что владелец этого первоклассного набора вещей был помимо воинских еще и носителем жреческих функций. В этом случае пектораль с тремя группами концентрических кругов из погр. № 14 еще более усиливает сакральный оттенок комплекса. Кавказские пекторали – это все же атрибут одеяния человека, занимающего незаурядное положение в коллективе.

И шлемы, и пекторали из Центрального Предкавказья (и, разумеется, остатки чешуйчатых панцирей) – скорее всего результат прямого участия восточноевропейских номадов и их северокавказских партнеров в походах в Закавказье и Западную Азию, а не следствие торговых, обменных сделок, как иногда считают³⁹. Они появляются на данной территории (главным образом в ареале Кавминвод) вместе с рядом других предметов, чье южное происхождение не вызывает сомнений⁴⁰. Районом, через который шло движение людей, вещей и идей из Закавказья и Западной Азии, была Колхида. Специфическими маркерами именно колхидского пути выступают, например, бронзовые и железные наконечники копий из известного комплекса у Лермонтовского разъезда (о них подробнее см. ниже), а также бронзовые браслеты с глиняным наполнителем из погр. № 25 могильника Клинь-яр III и с территории могильника № 1 у Кисловодской мебельной фабрики, изготовленные по колхидской технологии⁴¹.

Перейдем теперь к рассмотрению относительной и абсолютной хронологии комплексов, содержащих рассмотренные выше артефакты, для чего нам в значительной степени придется руководствоваться той номенклатурой хронологически диагностирующих признаков узды новочеркасского типа, которая разработана в исследованиях В.Р. Эрлиха, С.В. Вальчака, С.В. Махортых, автора и др.

Еще Ю.Н. Вороновым была намечена датировка пятигорских комплексов, содержащих пекторали (Бештау, Султан-гора), концом VIII – началом VII в. до н.э.⁴² Ныне находки шлемов ассирийского типа из могильника Клинь-яр III, наиболее точно датируемых по изображениям на рельефах Синаххериба, подтверждают эту дату с тем

³⁸ Погребова. Ук. соч. С. 106 сл.

³⁹ Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1. С. 21.

⁴⁰ Дударев С.Л. О связях Северного Кавказа с Закавказьем в начале I тысячелетия до н.э. (По материалам Пятигорья и Верхнего Прикубанья) // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 28–29.

⁴¹ Дударев С.Л. К интерпретации некоторых находок краеведов Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Матер. I региональной конф. Кисловодск, 1992. С. 24, 26. Рис. 1, 5, 6; Воронов Ю.Н., Гунба М.М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. 1978. № 2. С. 260–264. Рис. 5, 4–7.

⁴² Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 203.

уточнением, что верхняя граница указанного временного отрезка может быть несколько расширена. Между собой комплексы разделены преимущественно в плане относительной хронологии.

К наиболее ранней группе относятся три комплекса из Клинь-ярского могильника III: погр. № 14, РПВ-1987, погр. № 186 (в двух последних находились бронзовые шлемы). В погр. № 186 обнаружены двукольчатые удила с «квадратиками» (орнаментом, который, по мнению С.В. Вальчака, начал появляться на восточно-европейских уздечных принадлежностях около середины – третьей четверти VIII в. до н.э.)⁴³ и трехпетельчатые псалии архаичной формы с «копытцем», которые этой чертой наиболее близки псалиям из погр. № 14 Фарса и погр. № 5 Кочипэ (могильники Закубанья) – комплексов второй половины – конца VIII в. до н.э.⁴⁴ К псалиям с архаичными чертами оформления петель и шляпок принадлежат и скульптурные образцы из погр. № 14 Клинь-яра III, также сближающиеся с псалиями из погр. № 5 Кочипэ.

Среднюю позицию занимают: погр. № 1 Султан-горского могильника № 1, погребение у Кабан-горы и погр. № 4 могильника «Индустрия»; трехпетельчатые псалии из первых двух захоронений уже тяготеют к «классическим» новочеркасским, сочетаясь в обоих случаях с наконечниками стрел новочеркасского типа и по одному разу – с пекторалью и остатками панциря, а в последнем панцирь встречен вместе с кобанскими топорами типа Жемталы, гробн. № 3 Терезе, Новочеркасского клада. Эти топоры, морфологии которых посвящено наше специальное исследование⁴⁵, имеют обушок с приплюснутой гвоздевидной «пяткой», сильно оттянутое назад лезвие и парные выступы с одной или с обеих сторон проушины; им свойствен специфический выгиб в середине корпуса (отметим, кстати, что несколько таких экземпляров найдено в Восточной Европе)⁴⁶. Ряд подобных топоров обнаружен в погребениях Тлийского могильника (II тип, по Б.В. Техову)⁴⁷. Наиболее важной хронологически диагностирующей привязкой в материалах Тли служит топор из погр. № 40, где обнаружен также и трофейный урартский бронзовый пояс. В Тлийском могильнике найдено два таких пояса (погр. № 40 и 215), изготовленных в какой-то провинциальной мастерской. И хотя отметивший это Г. Коссак затруднился дать определенное суждение о датировке поясов, тем не менее он полагает, что стиль, в котором выполнен пояс из погр. № 40 (зональное членение плоскости предмета), является более ранним по отношению к «ковровому», или «сценично-игровому», стилю изготовления пояса из погр. № 215. Более того, Г. Коссак считал возможным сблизить стиль изображений на поясе из погр. № 40 с произведениями урартской торевтики из некрополя Эребуни, относящейся к тому же кругу, что и изображения на шлемах и щитах Аргишти I и Сардури II⁴⁸ (годы правления последнего: 760–730 гг. до н.э., по Б.Б. Пиотровскому; 764–735 гг. до н.э., по Г.А. Меликишвили)⁴⁹. Однако нам думается, что пояс из тлийского погр. № 40 является одним из позднейших представителей «зонального» стиля: конные воины, изображенные на поясе из погр. № 40, манерой посадки близки изображениям всадников с ассирийских рельефов времен Саргона II (а также и с пояса из погр. № 215!). Конники сидят близко к холке, корпус прямой, колено – на плече лошади, нога свободно опущена от колена вниз. Всадники же на произведениях прикладного искусства эпохи Сардури II сидят ближе к крупу, а

⁴³ Вальчак С.В. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2. С. 132.

⁴⁴ Дударев. К проблеме взаимодействия... С. 28 сл.

⁴⁵ Виноградов В.Б., Дударев С.Л. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н.э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.

⁴⁶ Дударев. К вопросу о колхидо-кобанском импорте... С. 96.

⁴⁷ Техов Б.В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. С. 35–55.

⁴⁸ Kossack. Tli Grab 85... S. 144–149.

⁴⁹ Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959; Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

колени их – на уровне холки лошади⁵⁰. В.Б. Ковалевская на материалах Западной Азии вполне убедительно доказала, что изменение положения ног всадников от сильно согнутых в IX в. до н.э. до выпрямленных в VII в. до н.э. служит хронологическим признаком⁵¹.

Вторую важнейшую параллель для серии топоров указанного типа принес Жемталинский клад, где они были найдены вместе с ажурным наконечником акинака, входящим в небольшую группу архаических скифских образцов. Жемталинский клад отнесен Коссаком к ранней стадии Тли D, т.е. к концу VIII в. до н.э.⁵², тем же временем датирует и Е.И. Крупнов⁵³.

Наиболее поздними в группе кавминводских комплексов с предметами закавказско-западноазиатского облика являются клад с северо-западного склона горы Бештау и погребение в кургане у Лермонтовского разъезда. В составе клада помимо двуколычатых удил и уже «классических» новочеркасских псалиев (т.е. образцов с гвоздевидной шляпкой, четко выделенными петлями, удлинённой лопастью – «ложечкой») есть еще одна, с нашей точки зрения, хронологически диагностирующая вещь – овальная пряжка от конской сбруи с рамочным выступом. Она может быть сопоставлена с близкими изделиями из раннесакских курганов конца VIII–VII в. и VII в. до н.э.⁵⁴ Вещевой набор из кургана у Лермонтовского разъезда был детально проанализирован ранее⁵⁵. Напомним только, что входивший в состав комплекса клада архаический акинак без навершия был найден с выразительной уздой новочеркасского типа, представленной той полнотой деталей (удила, псалии, уздечные бляхи, фрагмент кольца от колесничной (?) упряжи) и морфологическими характеристиками, которые свойственны для ее «классического стандарта»⁵⁶. На связь комплекса с VII в. до н.э. наиболее отчетливо указывает сочетание бронзового и железного наконечников копий колхидских типов. Аналогии бронзовому образцу в древностях Абхазии определяются временем не позднее середины VII в. до н.э., а подобные железному экземпляру наконечники копий получают наибольшее распространение в Северной Колхиде с конца VII–VI в. до н.э.⁵⁷

Таким образом, мы имеем в Пятигорье уникальную в пределах Северного Кавказа и Причерноморья колонку комплексов позднейшего предскифского времени, где датированные древневосточными материалами предметы защитного вооружения и культово-парадной атрибутики соседствуют с быстро изменяющимися предметами конской сбруи. Колонка, по нашему мнению, дает временные рамки конца VIII – первой четверти VII в. до н.э. Лишь в конце этого периода в отдельных комплексах с территории Кавминвод появляются предметы архаического скифского типа и вещи, указывающие на связи с восточными районами Евразии (пряжка и котел с кольцевыми ручками из клада на горе Бештау).

Наряду с названными необходимо привести и другие аргументы, не позволяющие «убирать» памятники новочеркасского типа из VII века до н.э. В число комплексов РСК-1 И.Н. Медведская включила вещевой набор из кургана у хут. Алексеевского.

⁵⁰ *Пиотровский*. Ванское царство... Табл. XL.

⁵¹ *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М., 1977. С. 85, 99.

⁵² *Kossack*. Tli Grab 85... Abb. 41.

⁵³ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 128.

⁵⁴ *Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973. Табл. XVII, 5–6; *Яблонский Л.Т.* Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // РА. 1991. № 1. С. 81. Рис. 11, 10.

⁵⁵ *Тереножкин*. Ук. соч. С. 127–130; *Мурзин В.Ю.* Скифы на Північному Кавказі (VII–V ст. до н.э.) // Археологія. Киев, 1978. № 27. С. 24; *Виноградов, Дударев*. Ук. соч. С. 12.

⁵⁶ *Вальчак, Эрлих*. Ук. соч. С. 18.

⁵⁷ *Трапи М.М.* Труды. Т. 2. Сухуми, 1969. С. 181; *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С. 20. Табл. XXXVIII. Рис. 10, 15; *Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.* Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. 1975. № 2. С. 271. Рис. 3, 7; *Трапи М.М.* Труды. Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 160. Табл. VI, 13; *Лордкипанидзе Г.А.* Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси, 1978. С. 46–48, 55 сл.

Этому комплексу принадлежит особое место в хронологии архаических скифских памятников Предкавказья как одному из древнейших⁵⁸. Значение его, как и синхронных курганов у Гумарова в Южном Приуралье, Енджи и Белоградца в Болгарии, а также курганов у сел Квитки и Ольшана в Правобережном Поднепровье⁵⁹, не было должным образом оценено И.Н. Медведской. Во всех этих памятниках присутствуют наконечники стрел жаботинского типа, которые в схеме Медведской квалифицированы как самые ранние образцы собственно скифских наконечников стрел. Однако И.Н. Медведская оперирует комплексами с **позднежаботинскими** наконечниками стрел. Между тем внутри жаботинского типа выделяются и ранние образцы⁶⁰. Именно к **раннежаботинскому** типу относятся наконечники I типа из Гумаровского кургана⁶¹. Р.Б. Исмагилов, вопреки мнению Н.Л. Членовой, отрицает принадлежность этой части гумаровского колчана к жаботинскому типу, но сближает ассиметрично-ромбические наконечники из Гумарова как раз с раннежаботинскими (тип Енджи). Исследователь прав, отмечая, что данные гумаровские наконечники, в массе своей лишены шипов на втулке, древнее, нежели (поздне)жаботинские шипастые наконечники стрел⁶². В свою очередь Н.Л. Членова, опираясь на данные колчанного набора из Гумарова, где (ранне)жаботинские наконечники стрел были найдены совместно с новочеркасскими, уже высказала предположение, что те и другие скорее всего бытовали одновременно, во всяком случае в VII в. до н.э.⁶³ Уточнив, что речь идет о совместном бытовании раннежаботинских и новочеркасских наконечников стрел, напомним, что такое же совместное нахождение тех и других присуще также колчанам из Квиток и Ольшаны⁶⁴, а также зафиксировано в центральной части кургана 1 у хут. Красное знамя. Последний был насыпан почти одновременно с курганом № 9, из которого происходит колчаный набор, справедливо расположенный В.Г. Петренко в типологическом ряду вслед за алексеевским. Она же делает правомерный вывод: «Представляется, что комплекс стрел кургана 524 у с. Жаботин следует сопоставить с заключительной фазой нашей первой группы» (курганы у хут. Алексеевского, № 9 у хут. Красное знамя, № 20 Нартана)⁶⁵, т.е. со временем около середины VII в. до н.э. Четкая хронологическая связь раннежаботинских (а через гумаровский набор и центральную могилу кург. 1 у хут. Красное знамя – и новочеркасских) наконечников стрел с VII в. до н.э. подкрепляется и комплексами из сакских памятников, где образцы этого типа известны в кург. 3 могильника Сакар-Чага. Л.Т. Яблонский, очень взвешенно подошедший к датировке этого памятника, датировал его концом VIII–VII в. до н.э.⁶⁶ Таким образом, есть основания утверждать, что верхняя граница древностей новочеркасского типа заходит вглубь первой половины VII в. до н.э. и именно для этого времени характерен в целом «перехлест» новочеркасских и архаических скифских культурных элементов, отмеченный И.Н. Медведской.

С середины VII в. до н.э. в Предкавказье культура раннескифского облика уже

⁵⁸ *Петренко В.Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 62.

⁵⁹ Там же; *Исмагилов Р.Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. 29; *Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984; *Ковпаненко Г.Т.* Погребение предскифского времени у с. Ольшана Черкасской области // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985.

⁶⁰ *Іллїнська В.А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. № 12. С. 15.

⁶¹ *Исмагилов.* Ук. соч. С. 35.

⁶² Там же.

⁶³ *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 44.

⁶⁴ *Петренко.* Ук. соч. С. 75.

⁶⁵ Там же. С. 73.

⁶⁶ *Яблонский.* Ук. соч. С. 77. Рис. 6, 3, 4, 8. С. 86, 88.

решительно доминирует, и во второй половине VII – начале VI в. до н.э. мы сталкиваемся лишь с редкими отголосками «предскифской» культуры, придающими отдельным комплексам этого времени сакрализирующий оттенок⁶⁷.

Таким образом, дата памятников РСК-1 (по И.Н. Медведской), по нашему убеждению, не может быть сколько-нибудь заметно углублена во вторую половину VIII в. до н.э. В связи с этим, очевидно, потребует корректировки и новая дата РСК-2. Собственно, побуждают к тому в первую очередь сами комплексы со следами раннескифской культуры из Малой Азии, вокруг которых и вращается вся полемика в вопросе об археологической идентификации киммерийцев. Во-первых, наиболее яркая, собственно раннескифская категория вещевого набора из Норшун-тепе – пронизи для ремней с головками грифобаранов – сближается с аналогичными предметами из Келермесских курганов 1 и 2 раскопок Н.И. Веселовского⁶⁸, входящих в старейшую группу курганов этого некрополя, датируемых 660–640 гг. до н.э.⁶⁹ Во-вторых, колчанный набор из Имирлера, устанавливающий время всей дошедшей до нас части комплекса, также датируется серединой VII в. до н.э.⁷⁰ Но если это так, то, даже причислив оба комплекса к разряду собственно киммерийских, снова приходится задавать вопрос об археологическом «обличье» киммерийцев до середины этого столетия.

Прослеживаемые тесные связи и контакты населения Северного Причерноморья и Предкавказья с Закавказьем и Западной Азией в позднейшее «предскифское» время убеждают в том, что причерноморская версия происхождения киммерийцев еще далеко не исчерпала своего потенциала⁷¹. Опыт изучения памятников Предкавказья IX – первой половины VII в. до н.э. показывает, что ранние кочевники еще до киммерийских походов вступили в плодотворные контакты с местным населением, получая от него необходимое вооружение и конское убранство. Применительно к VIII–VII вв. до н.э. об этом недвусмысленно говорят как изображения на «киммерийских» стелах Северного Кавказа, так и погребения степных воинов в украинской Лесостепи, куда часть их переместилась после первых войн в Закавказье и Западной Азии. Без этого «довооружения» на Северном Кавказе кочевникам было бы невозможно соперничать как с сильными племенными, так и раннеполитическими объединениями (типа «царства» Кулха)⁷² в Западном Закавказье, не говоря уже о государствах Западной Азии. Можно сказать, что номады заимствовали у северокавказцев ими самими «спровоцированный» комплекс вооружения воина-всадника⁷³. И этот комплекс имеет очевидный новочеркасский характер. Но, как было отмечено еще А.И. Тереножкиным⁷⁴, южнее Главного Кавказского хребта новочеркасские элементы почти не встречаются. Мы согласны с Д.С. Раевским и В.Р. Эрлихом в том, что такое положение может быть объяснено краткосрочностью пребывания «киммерийцев» с «предскифской» культурой в Закавказье и Западной Азии⁷⁵. Тем не менее на первый взгляд сравнение с немногочисленными, но яркими материалами раннескифской культуры из Малой Азии – явно не в пользу изложенной версии. Однако при всей, казалось бы, логичности постановки вопроса о киммерийской

⁶⁷ Дударев С.Л., Рунич А.П. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VIII–V вв. до н.э. (На примере Пятигорья). Грозный, 1992. Рис. 2.

⁶⁸ Иванчик. К вопросу... I. С. 155.

⁶⁹ Галаншина. Ук. соч. Рис. 2, 21, 23, 26. С. 105.

⁷⁰ Алексеев и др. Ук. соч. С. 84.

⁷¹ Эрлих В.Р. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев // ВДИ. 1994. № 3.

⁷² Мелкишвили Г.А. Кулха (Из древней истории Южного Закавказья) // Древний мир. М., 1962.

⁷³ Дударев. К проблеме взаимодействия... С. 24–38.

⁷⁴ Тереножкин А.И. Киммерийцы и Кавказ // Всесоюз. науч. сессия, посвященная итогам полевых археол. и этнограф. исследований в 1970 г. Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний. Тбилиси, 1971. С. 34–38.

⁷⁵ Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // РА. 1993. № 2. С. 81; Эрлих. В защиту традиции... С. 173.

принадлежности комплексов из Норшун-тепе и Имирлера, такая их интерпретация выглядит не убедительнее объяснений того, почему киммерийцы, по сути дела, «блистают своим отсутствием» в археологических памятниках Западной Азии конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Обратимся к анализу интересующих нас «киммерийских» малоазийских захоронений.

Исследователи, рассматривавшие инвентарь погребения в Норшун-тепе, уже отмечали его смешанный характер: здесь встречены предметы урартского, раннескифского и новочеркасского типов. Причем бронзовая палочка-застежка, атрибутируемая специалистами как застежка горита⁷⁶ (а не колчана, как ошибочно утверждают некоторые авторы) и используемая в данном случае как принадлежность конской сбруи, имеет определенный закавказский окрас⁷⁷. Думаем, что и так весьма богатая «палитра» этого комплекса заиграет еще одной краской, если указать на необычность удила со стремечковидными внешними кольцами из Норшун-тепе. «Отростки» внешних колец этого экземпляра сильно разведены в стороны, что необычно для основной массы образцов стремечковидных удилищ, синхронных норшун-тепским. Наиболее точной параллелью последним является звено удила с территории протомеотского могильника Кочипэ (Майкоп), в погребениях которого бронзовая конская сбруя отмечена для VIII и VII вв. до н.э.⁷⁸ Богатая вариативность стремечковидных (треугольноконечных) удилищ, наличие однокольчатых образцов с боковыми отростками, намечающиеся переходные типы удилищ от однокольчатых к стремечковидным в древности Закубанья⁷⁹ позволяют нам предполагать местное происхождение экземпляров типа Норшун-тепе. Подобная пестрота составляющих комплекс артефактов находит ближайšie территориальные и хронологические параллели в Закавказье, в погребениях с элементами раннескифской культуры, точнее, в выделенной нами 4-й их группе, в могилах которой сконцентрированы все найденные на памятнике «скифские» вещи, причем в сочетании друг с другом и нередко – в комплексе с предметами урартского и кобанского типов (Самтавский и другие могильники)⁸⁰. Примечательно при этом отсутствие в подобных захоронениях явных черт скифской погребальной обрядности. Мы интерпретируем погребения 4-й группы как свидетельство складывания на Кавказе в эпоху скифских походов межэтнической воинской (дружинной?) верхушки со своей формирующейся субкультурой, соединяющей в себе черты ряда культур Кавказа и Западной Азии⁸¹. Аналогичный процесс, но уже в центральном Предкавказье в VII–V вв. до н.э. усматривает В.Е. Маслов⁸². В составе раннескифского объединения синкретические этногруппы вообще занимали довольно заметное место (Нартанские, Урус-Мартановские, Моздокский и другие могильники)⁸³, но не всегда занятая ими этнополитическая и культурная «ниша» вполне их удовлетворяла. Наиболее ярким примером в этом отношении могут служить «отделившиеся скифы», ушедшие на Среднюю Волгу и впоследствии растворившиеся среди ананьинских племен. Их погребальные комплексы выделяются именно сочетанием в инвентарях скифских, колхидо-кобанских, центральнозакавказских и урартских элементов культуры⁸⁴. Не

⁷⁶ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 36–43.

⁷⁷ Иванчик. К вопросу... I. С. 153.

⁷⁸ Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. Сердечно признателен Н.Г. Ловпаче, ознакомившему нас с неопубликованной находкой.

⁷⁹ Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблемы хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. М., 1991; Дударев. К проблеме взаимодействия... С. 21 сл.

⁸⁰ Погребова. Ук. соч. С. 36–46; Есаев С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

⁸¹ Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. № 1. С. 73.

⁸² Маслов В.Е. Образ «бегущего» оленя на керамике скифского времени с Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. I. Армавир, 1995. С. 83.

⁸³ Дударев С.Л. К этносоциальной трактовке некоторых памятников скифского времени из Предкавказья // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья. Армавир, 1992. С. 6–8.

⁸⁴ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 197–224.

является ли комплекс из Норшун-тепе результатом интеграционных процессов, шедших с участием почти тех же партнеров, но несколько юго-западнее того региона, где, по М.Н. Погребовой и Д.С. Раевскому, шло формирование раннескифского культурного комплекса?

Во всяком случае, тот вполне определенный набор элементов культуры, который устанавливается для этногрупп, формировавшихся в бурную эпоху скифских походов, совершенно не известен в степях Юго-Восточной Европы и на Северном Кавказе в древностях черногоровского типа, время которых определяется IX–VIII вв. до н.э.⁸⁵ Многокомпонентность, близкая к отмеченной в Норшун-тепе, фиксируется в Северо-Западном, Северном Причерноморье и в Предкавказье в позднейшее «предскифское» время в немногих случаях (Квитки, Енджа, Высокая могила-2, Лермонтовский разъезд, Бештау, погр. № 39 могильника у хут. Кубанский)⁸⁶. В подавляющем большинстве из них в составе вещевых наборов наряду с изделиями новочеркасского облика присутствуют предметы, которые возможно связать с древнейшими скифами: акинак (Лермонтовский разъезд), удлинненно-ромбические наконечники стрел жаботинского типа, в том числе с боковым шипом (Квитки, Енджа, хут. Кубанский), псалий с головками грифонов (хут. Кубанский), предметы, происходящие с востока Евразии (котел и пряжка с Бештау), которые иногда используются в качестве доказательства появления скифов на Северном Кавказе в начале VII в. до н.э.⁸⁷, и др. Весь этот комплекс артефактов относится к числу инноваций в местной «предскифской» материальной культуре.

Не настаивая на прямом родстве между группами населения, оставившими все перечисленные материалы VIII–VII и VII–VI вв. до н.э., мы хотим подчеркнуть, что между общностями древнейших скифов (праскифов) и ранних скифов прослеживается одна общая черта, указывающая на сходный механизм формирования культуры и, вероятно, этноса, выражающаяся в широком спектре разнородных этнокультурных компонентов, вступающих между собой во взаимодействие. Отмеченная черта не противоречит модели скифского этногенеза, предложенной В.Ю. Мурзиным и базирующейся на идее существования у скифов триадной военно-политической организации, где «центр» составляли «природные» скифы, а представители синкретических групп могли быть, по нашему мнению, членами ее «левого крыла»⁸⁸. Для этой-то части скифского этноса на ранних этапах его формирования многокомпонентность этнокультурных элементов, вероятно, является своеобразным «генетическим кодом».

В комплексе из Имирлера некоторыми специалистами особо выделяется биметаллический чекан (а не клевец, как его обычно именуют)⁸⁹, который рассматривается как археологический индикатор киммерийской культуры⁹⁰. Упор при этом делается на отсутствии такого оружия в классических скифских памятниках и наличие двух подобных (не учтен третий – с горы Машук в Пятигорске) биметаллических клевцов

---

⁸⁵ *Исмаилов*. Ук. соч. С. 42–44; *Петренко В.Г.* Некоторые вопросы хронологии и черты сходства населения евразийских степей раннескифского времени // КСИА РАН. 1993. 207. С. 33–34; *Дударев*. К проблеме взаимодействия... С. 33 сл.

⁸⁶ *Дударев С.Л.* К этнокультурной оценке некоторых элитных комплексов VIII–VII вв. до н.э. Северного Кавказа и Причерноморья // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Матер. заседания «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. СПб., 1994. С. 90 сл.

⁸⁷ *Махортых С.В., Трегубов Р.А.* Связи Кавказа с кочевниками в предскифский период // Археология и краеведение – вузу и школе. Тез. докл. II региональной научно-практической конф. Грозный, 1985. С. 41 сл.

⁸⁸ *Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 71–78.

⁸⁹ По М.П. Грязнову, «чекан – орудие с прямым острием; клевец – с острием, клювовидно загнутым» (*Грязнов М.П.* История древнейших племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. С. 39). У Н.Л. Членовой читаем: «Чекан – это оружие с суживающимся, заостренным лезвием, или бойком» (*Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 25).

⁹⁰ *Иванчик*. К вопросу... I. С. 159 сл.

в центральном Предкавказье – в Перкальском и Гунделенском могильниках – на территории, где письменными источниками якобы зафиксировано пребывание киммерийцев.

Начнем с того, что все предкавказские находки не комплексные и поэтому невозможно установить, какое отношение к киммерийской (или раннескифской) культуре имел сопровождавший данные находки инвентарь и был ли он вообще⁹¹. Еще важнее то обстоятельство, что В.Б. Виноградов в свое время обоснованно признал привозное, ананьинское происхождение перкальской и гунделенской находок⁹². В области же распространения ананьинской культуры биметаллические чеканы с головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком (т.е. типа имирлерского) датируются, как правило, концом VI–V в. до н.э.⁹³ Причем ананьинский центр снабжал ими не только Северный Кавказ (а с ним племена Волго-Камья имели давние, традиционные связи), но и степные савроматские племена, которые также могли служить передатчиком таких чеканов северокавказцам⁹⁴. В свою очередь ананьинский центр был вторичным по отношению к Западной Сибири и Туве, где обнаружены технологически более архаичные образцы чисто бронзовых чеканов, датируемых VIII в. до н.э.⁹⁵ Самым близким имирлерскому как технологически, так и хронологически образцом является чекан из кург. 84 могильника Уйгарак. Имирлерский и уйгаракский чеканы изготовлены по более сложной технологии, чем тагарские и тувинские: готовая железная пластина лезвия вставлялась в литейную форму и затем отливалась бронзовая втулка⁹⁶. Комплекс кург. 84 датируется Н.Л. Членовой VII–VI вв. до н.э.⁹⁷ Но есть и более низкие даты. Уйгаракские стрелы из кург. 39 и 84 были датированы И.Н. Медведской серединой периода, обозначенного ею в целом VIII–VII вв. до н.э.⁹⁸ В самое последнее время комплексы Уйгарака с сочетанием втульчатых двулупастных листовидных и черешковых трехлопастных наконечников стрел (в том числе и из кург. 84) были датированы VII в. до н.э. или даже началом этого столетия⁹⁹. Таким образом, уйгаракская находка оказывается древнее имирлерской (середина VII в. до н.э.). В этом случае в вопросе о генезисе имирлерского чекана все становится на свои места: чеканы с головкой хищной птицы из Западной Сибири (бассейны Оби и Енисея) наиболее архаичны и сделаны исключительно из бронзы, а биметаллические экземпляры из Казахстана и восточных районов Западной Сибири (Уйгарак, бывш. Каменогорский уезд, р. Тобол) географически занимают промежуточную позицию между объ-енисейскими и анатолийскими из Имирлера и Муша. Представляется возможным, что проникновение биметаллических чеканов с головкой птицы в Малую Азию может быть связано с сакским этническим элементом, при-

⁹¹ Фоменко В.А. О Перкальском могильнике скифского времени близ Пятигорска (По материалам Н.М. Егорова) // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Грозный, 1991. С. 65; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 125. Рис. 30, 12; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. Табл. XXXVI, 4.

⁹² Виноградов. Ук. соч. С. 125.

⁹³ Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С. 140–142.

⁹⁴ Там же. С. 142; Смирнов А.П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 130–132.

⁹⁵ Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1981. С. 4–7; Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (К проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 60.

⁹⁶ Курочкин, Субботин. Ук. соч. С. 60.

⁹⁷ Членова. Связи культур... С. 7.

⁹⁸ Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 89.

⁹⁹ Итиш М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 41.

существование которого в этом регионе в эпоху скифских походов предполагается рядом исследователей¹⁰⁰.

Коснемся теперь вопроса о локализации киммерийцев на территории Кавказа, точнее, местонахождения страны Гамир. А.И. Иванчик располагает ее «в Центральном Закавказье, вероятно, к югу от Дарьяльского и Клухорского проходов»¹⁰¹. Согласно донесению Ашшурица, датированному до 714 г. до н.э., страна Гуриания (урартск. Куриани), в которой произошло столкновение между урартами и киммерийцами, располагалась между Урарту и страной Гамир (АВИИУ. 50. 11), в верхнем течении р. Куры. Локализация Гуриания (Куриани) контролируется соседством со страной Эриахи (истор. Ширак)¹⁰². По-видимому, страну Гамир следует помещать где-то между верховьями рек Квирилы и Большой Лиахви. Но если это так, то нужно говорить, во-первых, не о территории Центрального Закавказья, а Центрального Кавказа¹⁰³, во-вторых, страна Гамир находилась не к югу, а к юго-востоку от Клухорского перевала. На этой территории зафиксирован ряд памятников со следами раннескифской культуры и отдельных находок таковой, из которых наиболее значительными являются Тлийский и Брильский могильники. Топографически к ним тяготеет Дванский могильник, находящийся в ареале предполагаемой Гуриании¹⁰⁴. Обращение к погребальному обряду этих могильников показывает, что в основных своих чертах он не имеет ничего общего с памятниками раннекочевнических племен, находящимися к северу от Главного Кавказского хребта и комплексами типа Норшун-теле – Имирлер, за исключением конского захоронения в погр. № 11 Дванского могильника, черепов коней в сопровождении бронзовых стремечковидных удил и костяных трехдырчатых псаиев из погр. № 68 и одноколычатых железных удил из погр. № 216 Тлийского могильника¹⁰⁵. Поскольку в захоронениях Тлийского могильника в «предскифский» период конские костяки и детали сбруи не известны, это дает основания присоединиться к мнению М.Н. Погребовой, указывающей, что в «рассматриваемый период (т.е. в VII–VI вв. до н.э. – С.Д.) они, как правило, сочетаются с элементами скифской культуры, что позволяет связывать их с распространением этой культуры в Закавказье»¹⁰⁶. Что же касается железных и бронзового клейцов из Брилы и Двани, то они относятся к иной разновидности этого оружия¹⁰⁷.

Опираясь на констатируемые им тесные связи Центрального Закавказья с центральной частью предкавказского региона, А.И. Иванчик как бы «подтягивает» последнюю к стране Гамир. Еще дальше в этом отношении идет С.В. Махортых, который, призывая к осторожности в попытках локализовать страну Гамир к югу от Главного Кавказа, располагает ее на Северном Кавказе, основываясь на находках

¹⁰⁰ *Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 26; *Дударев С.Л., Махортых С.В.* К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 46 сл.; *Дударев С.Л.* О происхождении биметаллических чеканов из Малой Азии // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994. С. 13–15; *Горелик М.В.* Раннее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. 1. Кировоград, 1987. С. 33.

¹⁰¹ *Иванчик.* К вопросу... I. С. 161.

¹⁰² *Арутюнян Н.В.* Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван, 1970. С. 270.

¹⁰³ По К.Н. Пицхелаури, «северная граница центральнокавказских культур достигает южных предгорий Большого Кавказского хребта, за пределами которых бытовали в корне отличные от них так называемые Кобанская и Каякентско-Харачоевская... археологические культуры» (*Пицхелаури К.Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. С. 103).

¹⁰⁴ *Есаян, Погребова.* Ук. соч. С. 20.

¹⁰⁵ *Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М., 1980. С. 21–23, 35–40.

¹⁰⁶ *Погребова М.Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 44. Прим. 2.

¹⁰⁷ *Есаян, Погребова.* Ук. соч. С. 87.

шлемов ассирийского типа и других из района Кавминвод¹⁰⁸. Посмотрим, достаточны ли основания для подобных выводов в том и другом случае.

Аналогии погребальным сооружениям Норшун-тепе и Имирлера А.И. Иванчик находит в Предкавказье, на Ставрополье, в курганной группе «Красное знамя», где выявлены каменные склепы квадратной или подквадратной формы. Украинские скифологи видят истоки этой формы погребального сооружения в Северном Причерноморье в памятниках белозерской культуры, элементы которой вошли в скифскую в качестве субстрата¹⁰⁹. Но поскольку речь идет о незаурядном значении связей через центральнокавказские проходы для возникновения киммерийских памятников на Северном Кавказе, следует поискать подобные сооружения в горно-предгорной части Центрального Предкавказья. Они отыскиваются в районе г. Кисловодска, причем располагаются как под курганными насыпями (Учкекен), так и сооружены без них (могильник Уллубаганалы VII–VI вв. до н.э., с трех сторон окруженный одновременным поселением)¹¹⁰. В первом случае примечательно, что гробница конца VII – начала VI в. до н.э. из Учкекенского кургана принадлежит представителю опять-таки некоей синкретической, скифо-кавказской, этногруппы, подобной тем, о которых речь шла выше. Параллели же каменным, сложенным сухой кладкой, гробницам могильника Уллубаганалы и аналогичным из района Кавминвод В.Б. Ковалевская находит в «Передней Азии, например, в Тепе Гуране, где уже в конце "железного века II" появляются каменные гробницы (причем тоже на поселении) (Напомним, что погребения в Норшун-тепе находились на акрополе и были перекрыты строительными остатками. – С.Д.) с кладкой из горизонтально положенных камней по периметру и продолжают бытовать до VII в. до н.э. Поэтому появление подобных гробниц в памятниках скифского периода можно рассматривать скорее как переднеазиатское влияние, явившееся следствием скифских походов»¹¹¹. Нам трудно согласиться с В.Б. Ковалевской, усматривающей южные корни данной формы погребального сооружения, ибо каменные гробницы, сложенные сухой кладкой, известны в Пятигорье с начала I тыс. до н.э. (Терезе, гробн. № 1, 2) и существуют здесь во время, непосредственно предшествующее киммерийским и скифским походам через Кавказ в Западную Азию (Терезе, гробн. № 3 второй половины VIII в. до н.э., с конской сбруей, непосредственно предшествующей «классической» новочеркасской)¹¹². Но важен факт распространения подобных погребальных сооружений в Западной Азии, где они и могли быть заимствованы группой населения, оставившей погребения в Норшун-тепе и Имирлере, и, следовательно, вряд ли могут быть квалифицированы как специфически киммерийские. В этом смысле должно быть прав Р.Б. Исмагилов, отмечающий, что «при известных условиях и погребальный обряд скифов (читай – ранних кочевников. – С.Д.) приобретал черты сходства с обрядом местного, завоеванного кочевниками населения»¹¹³ (что, на наш взгляд, указывает на интенсивные процессы этнокультурной интеграции и даже взаимоассимиляции).

Как ни заманчиво предложение С.В. Махортых по поводу размещения страны Гамир на Северном Кавказе, следует сказать, что ее поиски в Закавказье более мотивированы: вряд ли страна Гамир находилась на сколько-нибудь значительном удалении от театра военных действий, если учесть трудности перехода масс конницы по гористой местности. В то же время С.В. Махортых, полагаем, прав в том, что месторасположение страны Гамир не было стабильным. В самом деле, страну Гамир

¹⁰⁸ Махортых. Проблемы киммерийской истории... С. 28.

¹⁰⁹ Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 58; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 21.

¹¹⁰ Дударев. Из истории... С. 101–106. Табл. 29–30; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 32–57.

¹¹¹ Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Изв. АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства (Мацне). 1985. № 3. С. 49 сл.

¹¹² Козенкова. Кобанская культура... С. 78. 186 сл.

¹¹³ Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия. Дис ... канд. ист. наук. в форме научного доклада. СПб., 1993. С. 5.

середины – второй половины VII в. до н.э. совершенно необязательно искать там, где она находилась за 50–60 лет до этого, тем более что «киммерийская» специфика памятников раннескифской культуры или объектов, содержащих ее элементы и датированных VII–VI вв. до н.э., как показывает предпринятый разбор, еще не выяснена. Локализация киммерийцев в это время в центральном Предкавказье с опорой на письменные источники – наиболее уязвимое, с нашей точки зрения, место в построениях сторонников отождествления киммерийцев с частью носителей раннескифской культуры. Во-первых, основной территорией расселения киммерийцев «предскифского» времени, следуя именно письменной традиции, большинство исследователей считает Керченский и Таманский полуострова (Боспор Киммерийский), а также весь Северо-Западный Кавказ¹¹⁴. Во-вторых, античные авторы относительно уверенно ориентируются лишь на Западном Кавказе, в Юго-Восточном Причерноморье, а также в Прикаспии. Что же касается центральных областей Предкавказья, то по отношению к ним античная традиция чаще всего не располагает конкретной информацией. Правда, в Предкавказье античные источники со времен Гомера помещают легендарных амазонок, по поводу которых Л.А. Ельницкий заметил, что «география походов амазонок, по Диодору, совпадает с географией скифских и киммерийских походов, по Геродоту»¹¹⁵. Но несмотря на столь многообещающую связь амазонок с передвижениями киммерийцев и скифов, приходится констатировать, что в кавказоведческой литературе гаргареи, с которыми тесно общаются живущие в Предкавказье амазонки, отождествляются с предками современных народов Северо-Восточного Кавказа – чеченцев, ингушей, некоторых этносов Дагестана¹¹⁶. Наиболее убедительна гипотеза, сопоставляющая амазонок с савроматами, которые могли быть партнерами скифов по западноазиатской эпопее¹¹⁷.

Несмотря на вышесказанное, не следует отказывать идее о раннескифском культурном облике киммерийцев VII в. до н.э. в праве на существование. Однако комплексы типа Норшун-тепе – Имирлера и тем более разрозненные находки раннескифского типа из западноазиатского региона – недостаточное основание для того, чтобы делать в развитие этой идеи далеко идущие выводы.

С.Л. Дударев

TOWARD THE PLACE OF «CIMMERIAN» COMPLEXES FROM
WESTERN ASIA IN THE SYSTEM OF CHRONOLOGICAL
AND CULTURAL TIES BETWEEN THE BLACK SEA REGION,
THE CAUCASUS AND EASTERN EURASIA

S.L.Dudarev

The idea that the ethnonym «Cimmerian» was used to designate some tribes of Early Scythian culture has become rather popular nowadays. Archaeological finds from Asia Minor (Norshun-tepe, Imirler) are very important for the supporters of the idea. One can attribute the archaeological complexes of these two sites to the Cimmerians on the ground that the Akkadian texts attested the presence of the Cimmerians in that region; the Scythians were unknown to the Assyrians until the last quarter of the VII c. B.C. However, the artefacts from Norshun-tepe and Imirler represent, according to A.I. Ivanchik, the Kelermes stage of the Early Scythian culture, dated to the mid-second half of the VII c. B.C. As for the Cimmerians, they were mentioned in cuneiform texts from the last third of the VIII c. B.C. What does this chronological lacuna mean?

¹¹⁴ Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 72 сл.

¹¹⁵ Латышев. Ук. соч. С. 38; ВДИ. 1947. № 4. С. 311.

¹¹⁶ Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // ИСКНЦВШ. 1975. № 4. С. 39 сл.

¹¹⁷ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 200–211; Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С. 20–25.

The author discusses the chronological place of the late sites and complexes of the so-called Novocherkassk type and their correlation with the finds, which I.N. Medvedskaya attributes to ESC-1, within the context of the historical situation in Western Asia in the end of the VIII – first third of the VII c. B.C. The second point of the article is to elucidate specific «Cimmerian» features of the complexes of Norshun-tépe and Imirler in comparison with synchronous materials including some elements of an early nomadic and first of all Early Scythian culture.

The author arrives at the conclusion that the date of ESC-1 sites and artefacts suggested by I.N. Medvedskaya cannot be considerably drawn back in the second half of the VIII c. B.C. In this connection, the new date of ESC-2 apparently will need some correction. First of all the very complexes from Western Asia with traces of Early Scythian culture bring us to make such a correction.

The analysis done by the author, demonstrates that the specific «Cimmerian» features of the ESC sites and objects dated to VIII–VI centuries B.C. are not elucidated as yet. According to the author the localization of the Cimmerians in the central regions of the Northern Caucasus at that time by means of written sources is the weakest point in the reconstructions of the scholars who identify the Cimmerians with some part of representatives of the Early Scythian Culture. Firstly, the main territory of settling of the Cimmerians in the «Pre-Scythian» period were Kerch and Taman *peninsulae* («Cimmerian Bosphorus») and the North-Western Caucasus as a whole – this is the opinion of the majority of scholars, who follow this very written tradition. Secondly, Greek and Roman authors were more or less confident only as concerned the western regions of the Caucasus and South Eastern Black Sea littoral. They had some knowledge of the regions around the Caspian Sea too. As for the central areas of the Northern Caucasus, the classical tradition usually demonstrates a lack of concrete and precise information.

© 1998 г.

О ЧЕМ УМАЛЧИВАЕТ ГЕРОДОТ. ЗАМЕТКИ О ПЕРЕДАЧЕ СВЕДЕНИЙ О КИММЕРИЙЦАХ У ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ ПОМИМО ГЕРОДОТА *

Среди правил, которым следуют серьезные исследователи древней истории, одно из важнейших – доверять ранним источникам больше, чем поздним, и полагаться с большей уверенностью на самый приближенный к описываемым событиям источник. Слишком часто мы чувствуем себя обязанными считать, что позднейшие источники только развивают или описывают более красиво то, что их авторами найдено в более ранних. В своей программной методологической статье Детлев Фелинг довел это – несомненно полезное – правило до его логического конца¹. На примере двух случаев он стремится показать, как путем последовательных добавлений, сделанных различными авторами, безобидная ремарка, обрастая слой за слоем все новыми напластованиями, превратилась с течением времени в подробный рассказ о событиях, которые никогда не происходили, и о людях, которые никогда не жили. Фелинг доказывал, что деталь, отсутствующая в более раннем источнике, не могла быть доступна автору

---

* Я хотел бы поблагодарить д-ра А.И. Иванчика за любезно предоставленную мне возможность опубликовать предлагаемые заметки в этой дискуссии. Новый всплеск исследовательского интереса к киммерийцам в немалой степени обязан его собственным исследованиям, в особенности важной книге: *Les Cimmériens au Proche-Orient // Orbis Biblicus et Orientalis. CXXVII. Fribourg, 1993*. Другие недавние работы: *Lanfranchi G.B. Cimneri // History of the Ancient Near Eastern. Studies. II. Padova, 1990*; *Kristensen A.K.G. Who Were the Cimmerians and where did they Come from? København, 1988*. Свое значение еще сохраняет статья С.Ф. Леманн-Хаупта (*Kimmerier // RE XI. 1. 1921. Sp. 397–434*). Назову также свою небольшую статью (*Bemerkungen zu den Zügen der Kimmerier und Skythen durch Vorderasien // Klio. 1995. LXXVII*), не претендуя на то, чтобы поставить ее в один ряд с вышеназванными работами. По вопросам хронологии хочу сослаться на свою публикацию: *Zur griechischen und vorderasiatischen Chronologie des 6. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Kypselidenchronologie // Historia. 1993. XLII. S. 385–417, особенно 389–397*.

¹ *Fehling D. Zwei Lehrstücke über Pseudo-Nachrichten // RhM. 1979. CXXII. S. 193–210*.